

ПОНЯТИЕ ПЛЮРАЛИЗМА И ЭТИКА КОММУНИКАЦИИ

М. КАСТИЙО

Плюрализм — это понятие, в символическом осмыслении которого соотнесены политика, культура и идеология. Плюрализм призывает к такому объединению, которое заключает в себе глубокую аксиологическую и политическую двусмысленность. По сути, плюрализм выражает стремление к согласию, которое строится на разногласиях, тенденцию к рационально обоснованному примирению различных стихийно сложившихся верований и обычаев, парадоксальное желание признать сосуществование несходного.

Такая двусмысленность порождает два важных следствия.

Плюрализм выполняет собственно идеологическую функцию, и на уровне общественного сознания этот принцип воспринимают в его популярном значении. Призыв подходить к рассмотрению проблемы с позиций плюрализма — это требование общественной идеологии: идеологии политкорректности. В данной трактовке плюрализм является основанием *техники* коммуникации в качестве методики гармоничного сосуществования в обществе.

Принцип плюрализма имеет и более глубокий философский смысл, и с этой точки зрения его роль в процессе коммуникации является не столько технической, сколько этической. Задачей философии является осмысление *этики* коммуникации не с позиций субстанциализма или солипсизма, а в духе интерсубъективности. Эта умозрительная концепция будет служить практическим целям: этика коммуникации будет содействовать творчеству, укреплению и расширению *связей* между людьми.

Двусмысленность плюрализма

Два значения понятия «плюрализм»

На смысловом уровне первого порядка понятие плюрализма выступает в качестве *характеристики* либерализма, а на смысловом уровне второго порядка оно отражает его *развитие*.

Два следующих примера позволят пояснить данный тезис.

— Понятие как характеристика либерализма фигурирует в теории Джона Ролза, обосновывавшего идею справедливости как равноправия. Принципу плюрализма Ролз уделяет особое внимание в своей концепции с конца 80-х гг. XX в. Он трактует плюрализм как всеобщее признание невозможности полного соответствия убеждений различных субъектов. «Фундаментальная гипотеза либерализма заключается в том, что равноправные граждане имеют различные, несовместимые и непримиримые представления о благе»¹, — пишет он. Таким образом, либерализм провозглашает принцип всеобщего

нейтралитета и призывает понимать справедливость как разумно обоснованное всеобщее согласие членов общества признать правомерность сосуществования различных мировоззрений. Ролз обосновывает приоритет справедливости над благом, а значит и права над этикой. Такая позиция преследует цель создания пространства мирного сосуществования, приемлемого для всех членов общества благодаря этическому и религиозному невмешательству, терпимости по отношению к убеждениям другого человека.

— Позицию развития либерализма иллюстрирует концепция Чарльза Тейлора. Он считает, что нам необходимо идти дальше доброжелательности и нейтралитета, нам следует научиться «восприимчивости к различию»², существующему между культурами и религиями; либерализм должен признавать не только расхождения во мнениях между индивидами, но и разногласия между сообществами. Майкл Уолзер называет такой подход либерализмом-2: «Либерализм первого порядка (*либерализм-1*) касается прав человека и... требует от государства абсолютного нейтралитета по отношению к индивиду, его культурным пристрастиям и религиозным убеждениям, это означает, что задачей государства является создание условий для укрепления личной свободы, физической безопасности и благополучия граждан. Либерализм второго порядка (*либерализм-2*) относится к сфере обязанностей государства обеспечить благосостояние нации, сосуществование различных культур и религий»³. Иначе говоря, либерализм-2 не остается индифферентным к существованию различий и формулирует задачу проведения политики мультикультурализма, уважения к многообразию культур, обычаев и религий.

Итак, на смысловом уровне второго порядка плюрализм предполагает не согласие, а разногласие; это означает не единство позиций в условиях разумно обоснованной нейтральности, а скорее наоборот — несходство мировоззрений и образа жизни различных сообществ. Нужно чтобы наши представления об истине, справедливости и благе были различными.

Если говорить упрощенно, то различие между плюрализмом-1, являющимся продолжением традиции универсализма эпохи Просвещения, и плюрализмом-2, отстаивающим неизбежность разногласий, заключается в том, что на первом смысловом уровне в центре внимания находится человек, а на втором — разнообразие культур.

Плюрализм-1: либеральный индивидуализм

Сторонники безусловной ценности прав человека, ссылающиеся главным образом на Бенжамена Констана и Алексиса де Токвиля, стремятся сделать идею независимости основополагающим принципом политики и права в современную эпоху. В этом контексте под индивидуализмом понимают неизбежный цивилизационный

феномен, неуклонное движение в процессе исторического развития человечества к равенству возможностей для каждого в условиях демократии. Мыслители Нового времени прежде всего стремятся отстоять индивидуальную независимость, и лишь затем идеал гражданского состояния, для них индивид не растворяется в обществе, а наоборот, обретает больше возможностей для личного процветания, для собственного счастья. Констан, сравнивая понятия свободы в былые времена и в современную эпоху, подчеркивал, что в современном ему обществе каждый человек имеет право на личные убеждения и защиту собственных интересов. На этом уровне либерализм трактуется как непреложное право индивида противостоять принуждению со стороны общества, давлению власти, господству корпоративной идеологии, как право на свободу мнений и свободу действий.

Плюрализм-2: либерализм плюрализма культур и социальных групп

Плюрализм-2 идет дальше защиты свободы индивида. Этот принцип допускает стремление человека к обретению *идентичности* и не отрывает индивида от его корней, веры, убеждений, социокультурных достижений. Этот тип плюрализма стремится к этическому, культурному и социальному многообразию. Тейлор связывает эту позицию с требованием *аутентичности*, истоки которого он обнаруживает в противостоянии романтизма мировоззрению эпохи Просвещения. «Идеал аутентичности приобретает огромное значение начиная с Руссо и в процессе последующей эволюции, огромную роль в которой сыграла концепция Гердера. Немецкий мыслитель сформулировал идею, согласно которой каждый из нас представляет собой особый тип человеческого бытия: каждая личность исполняет свое собственное «предназначение». Эта идея оставила глубокий след в современном сознании. Это была новаторская идея. До конца XVIII в. никто не думал, что различия между людьми могут иметь столь важное моральное значение. Существует конкретный способ человеческого бытия — это только *мое* уникальное бытие. Я призван жить именно таким образом, а не подражать жизни другого человека. Этот тезис предъявляет требование сохранять верность самому себе. Если меня не будет, то возникнет недостаток смысла, представленного моей жизнью; я не смогу выразить того, что означает человеческое бытие именно для *меня*»⁴.

Итак, идентификационная версия культурного различия предъявляет радикальное требование, отличное от тезиса об уважении к достоинству равноправных личностей и выходящее за его пределы. С этой точки зрения, мы обязаны не просто признавать *существование различий*, но выполнять саму процедуру признания *посредством выявления различий*: самопризнание происходит в результате сопоставления себя с другими. Необходимо принять инаковость в качестве

обязательного и неустраняемого принципа. Продемонстрируем этот тезис следующим образом. Клод Леви-Строс, желая отстоять идею многообразия культур и противодействовать опасности культурного этноцентризма (в данном случае — европоцентризма) еще в 1971 г. отмечал возможные антигуманистические и антиуниверсалистские последствия попытки противопоставления культур. Он подчеркивал, что «любое подлинное творчество сопровождается равнодушием по отношению к иным ценностям вплоть до отказа от них или даже их отрицания. Это объясняется тем, что невозможно раствориться в мире другого человека, отождествлять себя с ним и одновременно оставаться самим собой. Абсолютное соединение с другим в ближайшем или отдаленном будущем может привести к утрате оригинальности как его, так и моего творчества»⁵.

Различие между гуманистическим плюрализмом и плюрализмом дифферентности можно сформулировать следующим образом. Гуманистический плюрализм исходит из того, что человеческое сообщество представляет собой объединение различных людей: я уважаю другого человека несмотря на имеющиеся между нами различия, потому что существование различий не является препятствием для признания универсальной идентичности человечества. Плюрализм дифферентности наоборот отрицает саму возможность преодоления различий, потому что основывается на том, что поиск единства и всеобщности должен сопровождаться выявлением разнообразия оригинальных и ярких индивидуальностей. Сторонники данной точки зрения убеждены в неизбежности существования различий в реальном мире и бессмысленности попыток обрести единство путем подавления индивидуальности. Они считают, что в действительности существуют лишь различные позиции, выражающие индивидуальные взгляды и предпочтения.

Плюрализм и деконструкция

Парадокс плюрализма-2 заключается в следующем: для того, чтобы выйти за пределы гуманизма эпохи Просвещения, необходимо придать утверждению различия деконструктивную функцию, сделать его инструментом борьбы с гуманистическим универсализмом. Получается, что современный вариант плюрализма (плюрализм аутентичности) стремится утвердиться путем преодоления универсализма: сторонники плюрализма аутентичности трактуют универсализм эпохи Просвещения как заурядный предрассудок наряду с другими предрассудками, как прецедент культуры наряду с другими прецедентами. Тейлор употребляет выражение «слепота к различиям»⁶, он строит свою концепцию, основываясь на положении о том, что слепота либерализма является следствием мировоззрения отдельной ограниченной культуры, он считает, что «саму идею либерализма

универсальности можно было бы охарактеризовать как своего рода прагматическое противоречие, как частность, выдающую себя за всеобщность»⁷.

Плюрализм второго порядка является продолжателем традиции романтизма. Его представитель Гердер уже в то время сформулировал принцип деконструкции: для того, чтобы установилось равенство народов и их культур необходимо препятствовать возведению отдельной культуры в ранг нормы, эталона ценностей и всеобщего прогресса. Нужно применять стратегию дискуссии, противопоставить рационалистическому универсализму эпохи Просвещения исторический подход к анализу культуры.

Дифференциализм поддерживает распространенное мнение, которое, как принято считать, способствует распространению идей мультикультурализма. Суть его состоит в том, что преимущество единства над различием отнюдь не является рационально обоснованным общезначимым принципом, это всего лишь предрассудок, навязанный доминирующей культурой. Иначе говоря, можно считать, что идеал единства человечества — это исключительно европоцентристская и прозападная идея и что следовало бы ограничить притязания Запада на всеобщность, провозгласить право отдельных культур на своеобразие и поддержать политику мультикультурализма.

Плюрализм-2 предлагает позитивную и ценную концепцию дифференциализма, утверждая, что все культуры в равной мере заслуживают уважения, что они «равноценны в том, что касается их достоинств»⁸. Эта идея обладает удивительной способностью завоевывать умы. Ее популярность объясняется возможностью преодолеть мировоззрение эпохи модерности с его идеей прогресса и стремлением предложить еще более передовую идею о том, что существование различий важнее единства и равенства. Принцип плюрализма культур пользуется успехом потому, что противостоит традиционным взглядам, является чем-то иным, потому, что предполагает отказ от доминирующей роли одной из культур (только на том основании, что эта культура является французской, в случае Гердера, или европейской, в случае Леви-Строса). Принцип плюрализма предлагает более совершенную концепцию модерности: либерализм разнообразия культур, идею которого обосновывал Тейлор.

Сторонники дифференциалистского плюрализма не собираются идеализировать прошлое или становиться адептами консервативного скептицизма. Они желают быть идеологами прогресса самого прогресса, модернизации модерности. Они провозглашают приоритет равноценности культур над равноправием людей и противостоят праву на критику силой критики, они претендуют на свободу исследования, превосходящую понятие свободы эпохи Просвещения, поскольку ставят под сомнение само мировоззрение просвещения, они

объявляют о своей победе над предрассудками, а конкретнее — над предрассудком универсализма. Следовательно, сторонники данной версии плюрализма считают свою концепцию передовой и сверхсовременной по сравнению с мировоззрением модерности.

Между национализмом и нигилизмом

Самым опасным выводом концепции дифференциализма является национализм. Это означает, что его идеологи неспособны противостоять соблазну абсолютизации этнической и культурной обособленности. Позиция национализма опасна тем, что потворствует возведению насилия в ранг законности.

Леви-Строс обосновывал правомерность неприсоединения и добровольного выхода из состава государства с целью предотвращения тенденции гомогенизации культур. Хантингтон указывал на потенциальную опасность распространения шовинизма в многополярном мире в наши дни. Клаузевиц также трактовал войну как стремление государств к усилению своего влияния в мире и навязыванию своей воли противнику. Хантингтон в работе « Столкновение цивилизаций » объяснял подобные политические амбиции не столько государственными интересами, сколько стремлением многообразных культур к обособленности. Хантингтон считает, что в будущем произойдет сближение людей и примирение их культурных, религиозных и ценностных убеждений.

Релятивизм порождает исторический нигилизм, поскольку его сторонники утверждают, что на самом деле все культуры равноправны и что все они пытаются доказать свое превосходство, основываясь на сходных вымыслах и предрассудках иррационального характера. Следовательно, все ценности значимы в равной мере и не существует надежного критерия определения ценности. Таким образом, релятивистская идея всеобщей равноценности оборачивается нигилизмом.

Итак, плюрализм приводит к аксиологическому, духовному и моральному релятивизму, что в конечном счете играет деструктивную роль в процессе коммуникации. Практика подозрения, подразумевающая, что слово другого следует воспринимать в свойственных ему психологических, культурных или политических пределах, приводит к тому, что утрачивается доверие к слову вообще. Слову другого больше не верят.

Таким образом, в процессе коммуникации возникает противоречие. Если мы рассматриваем мышление другого человека как обусловленное его субъективным мировоззрением, то его дискурс будет воспринимать исключительно как «его собственные высказывания», что препятствует пониманию на уровне интересубъективной коммуникации. Получается, что, с одной стороны, целью коммуникации является взаимодействие мнений субъектов, а, с другой стороны, это

взаимодействие парадоксальным образом основывается на *убеждении в невозможности коммуникации*.

В таком случае перед нами стоит альтернатива. Либо антагонизм непреодолим и коммуникация — это не диалог, а противоборство соперничающих убеждений. Либо нужно согласиться с конъюнктурным подходом к коммуникации, предполагающим, что условности можно противостоять только с помощью другой условности, и что задачей коммуникации является не убеждение, а примирение мнений.

К вопросу о методике коммуникации

Когда говорят о методике, подразумевают, что коммуникация имеет функциональное назначение. На эмпирическом уровне под коммуникацией понимают процедуру установления связей между индивидами, разнообразные убеждения которых утверждаются *a posteriori* в качестве социальных фактов. Коммуникация играет роль *средства* объединения различного, примирения непримиримого, искусственного создания гомогенности гетерогенного. Коммуникация — это создание *условий*. Коммуникацией называют стремление к взаимодействию, а в политике говорят об искусстве общения с людьми.

Коммуникация и власть

Специалисты в области средств массовой информации озабочены задачей эффективности коммуникации, а философы — проблемами осмысления ее идеологических последствий. Понятие культуры обычно относят к социально-экономической сфере (например, говорят о культуре потребления), понятие коммуникации также имеет социальное назначение. Вот почему технику коммуникации применяют в политике. Задачей политических дискуссий является создание атмосферы терпимости в ситуации разочарования, связанного с неизбежными ограничениями свободы в условиях демократического сосуществования с целью предотвращения возможных насильственных и противоправных действий. Такие выражения как «культура взаимоотношений» и «культура согласия» имеют определенный социальный смысл. Они обозначают функции социализации посредством коммуникации, направленной на установление мирных отношений и формирование общественного мнения путем дискуссий. Речь идет о проблеме цивилизованности и понятии гражданского общества.

Тенденция сводить значение коммуникации к ее социальным функциям является, по-видимому, результатом цивилизованности. Некоторые авторы⁹ без колебаний пророчат в будущем вытеснение культуры во всех сферах (образование, обмен информацией, наука) цивилизацией *высоких технологий (high tech)* в результате применения такой стратегии знания, которая выполняет задачу формирования самодостаточного общественного мнения. В условиях информаци-

онной глобализации коммуникация становится мощным средством воздействия на сознание человека.

Ноополитика

В сфере науки, информации и коммуникации родилась новая утопическая идея. Суть ее заключается в следующем: благодаря развитию техники и информационных технологий скоро начнется новая эра в жизни человечества — эпоха верховной власти Разума. Техника превратится из орудия власти в *способ совместной деятельности*, поскольку Интернет становится универсальным и общедоступным источником знания и средством обмена информацией. Вот почему звучат призывы к примирению техники и культуры на пороге формирования нового мира под названием «ноосфера», т.е. пространство идей, царство духа.

Новый импульс этому тезису, как в научном, так и в мистическом смысле, придал в первой половине XX в. Тейяр де Шарден, определявший ноосферу как «совокупный мозг человечества», «гигантскую мыслящую машину»¹⁰, которая формируется в результате глобализации человечества в масштабах всей планеты и спонтанного объединения солидарных индивидуальных сознаний во всеобщее сознание.

Многие авторы высказывают по данному вопросу прогностические идеи, полные наивности и цинизма. Наивность проявляется в том, что стремление к солидарности в планетарном масштабе обычно порождает желание создать с помощью информационных технологий всемирную цивилизацию, достигнуть полного равенства возможностей для всех жителей «Земли-Отечества» (согласно выражению известного социолога Эдгара Морена). Цинизм связан с тем, что на данном этапе коммуникация предполагает господство, а обмен — коммерцию. В каком смысле следует понимать, что «ноосфера является царством знания и мудрости»¹¹, зная, что это положение заимствовано из работы, посвященной формированию нового общества или нового полиса, общества знаний или общества информации, в которой автор трактует коммуникацию как круговорот знаний, т.е. как услугу в сфере обмена информацией? Реалисты называют это *мягкой властью (soft power)* средств массовой информации в противовес *жесткой власти (hard power)* традиционной политики существующих государств. Власть влияния приходит на смену власти насилия. В идеале высшей целью познания отныне должно было бы стать не само знание, а укрепление связей с другими. Стоит ли обьяснять, что для Интернета не существует понятия иностранного? «В сети существует единое пространство культуры и мышления, и не имеют значения национальные, возрастные и этические различия. С помощью маркетинговых исследований пытаются выявить образ типичного пользователя. Это трудная задача, тем не менее ее испол-

нение необходимо в интересах экономического развития. Открытость сети для всех одни воспринимают как угрозу демократии, тогда как с точки зрения других, наоборот, это свидетельствует о прогрессе подлинной демократии»¹².

Этика коммуникации

Этика коммуникации является в большей степени философской дисциплиной. Философские аспекты коммуникации не менее значимы, чем технические. С одной стороны, необходимость изучения этики коммуникации определяется запросами плюрализма: требование плюрализма культур означает, что в наши дни культуры рассматривают не как самодостаточные, а во взаимодействии с другими культурами. Если отдельная культура замыкается в себе самой и стремится исключительно к защите собственного своеобразия, она становится потенциально воинствующей. Если же какая-либо культура идентифицирует себя в соотношении с другими культурами, то она проникается духом гуманистического плюрализма, который в наши дни понимают как диалог культур. С другой стороны, одной из задач этики коммуникации является переосмысление понятия универсализма. Для того чтобы диалог культур мог эффективно осуществляться в плоскости культуры, необходимо выработать такой принцип взаимодействия культур, который основывался бы на идее диалога. Таким образом, следует пересмотреть место и роль культур в эпоху глобальной коммуникации. В условиях универсального рационализма возможно возрождение идеала космополитизма.

От субъекта мыслящего к субъекту говорящему

Подобного рода возрождение предполагает изменение самой парадигмы: процесс взаимодействия между культурами не должен опираться на солипсизм и эгоцентрические идеи, этот процесс следует трактовать не как общение изолированных субъективностей, а как коммуникацию в собственном смысле слова.

Этот тезис станет более понятным, если мы будем различать технику и этику коммуникации. Техника коммуникации предполагает установление диалога эмпирического и функционального характера как способа *a posteriori* наладить связи между индивидами независимо от их мнений и убеждений. Но, как мы уже видели, эта концепция коммуникации как технического средства основывается на противоречивом положении о том, что мышление другого субъекта является полностью обусловленным его историей, частной жизнью, религиозными взглядами и т.д., и что он выражает свои идеи на особом, иномродном языке, труднодоступном для других. Политическая и культурная ограниченность технического подхода к коммуникации заключается в том, что подразумевается, что конфликт субъектов

является основным содержанием диалога, а не одним из неизбежных, но преодолимых препятствий.

Логично будет принять тезис об изначально дискуссионном характере коммуникации и исходить при этом из прагматической цели диалога¹³. Для этого необходимо отказаться от индивидуалистических и солипсистских взглядов на коммуникацию и принять принцип *primum relationi*, т.е. исходить из того, что содержание дискурса — не чудесным образом состоявшееся достижение отдельного субъекта, а результат совместного творчества собеседников. В действительности мы не просто говорим с другими, мы говорим «с помощью других»¹⁴. Другой является не только слушателем моих рассуждений, но и условием интеллигибельного характера диалога, самой возможности коммуникации. Я понимаю *себя*, если он понимает *меня*. С позиций коммуникации как техники другой обладает обусловленным инородным мышлением. Этика коммуникации рассматривает другого как необходимое условие возможности мышления как такового.

Субъект, созидаящий интерсубъективность

Это диалогическое обоснование коммуникации заимствовано из философии языка. Его применение в сфере отношений между культурами может оказаться чрезвычайно плодотворным. Необходимо признать, что культура не является закрытой реальностью, замкнутой и неизменной дискурсивной сферой, аналогом мертвого языка, бесконечно воспроизводящего собственное прошлое. Наоборот, чем больше отдельная культура познает себя и обогащает другие культуры, тем богаче и совершеннее становится она сама. Это — чудо не экономического, а символического характера, придающее символам интеллигибельный смысл.

Приведем в качестве примера отношения между двумя индивидами. Если два индивида говорят с целью заявить о том, что они не могут договориться, то их диалог лишен смысла. Но если они говорят с целью быть услышанными и понятыми, значит они осознают, что обмен мнениями является необходимым фактором, придающим интеллигибельный смысл их мировоззрениям и убеждениям. Это — условие их *общественного, символического и культурного существования*. Одним словом, мировоззрение и убеждения — не просто изолированные и замкнутые в самих себе психологические феномены, а намеренное обозначать и придавать смысл, побуждающее и вдохновляющее устанавливать связи и участвовать в коммуникации.

Итак, мы приходим к следующему заключению. Либо культура утверждает собственную ценность посредством способности *влиять*, либо она стремится добиться признания этой ценности с помощью способности *вдохновлять*. Скорее рациональный, чем субстанциальный подход к коммуникации, скорее этика, чем техника, скорее

будущее, чем прошлое позволяют культуре ценностно обогащаться, потому что ценности рождаются не в результате самоутверждения, а в процессе интересубъективного взаимодействия, конечная цель которого заключается не в «я» и не в «ты», а в отношениях «между нами».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Rawls J. Justice et démocratie. – Paris, 1993. P. 170.
- ² Taylor C. Multiculturalisme // Différence et démocratie. – Paris, 1994. P. 83.
- ³ Walzer M. Commentaire de l'opuscule cité // Différence et démocratie. P. 131 – 132.
- ⁴ Taylor C. Multiculturalisme. P. 47.
- ⁵ Lévi-Stross C. Le regard éloigné. – Paris, 1971. P. 47.
- ⁶ Taylor C. Multiculturalisme. P. 64.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ Ibid. P. 88.
- ⁹ «Политика коммуникации, образования и информации соединит в себе все стратегические направления распространения знаний во всемирном масштабе» (Toffler A., Toffler H. Guerre et contre-guerre. – Paris, 1993. P. 207 – 208).
- ¹⁰ Teilhard de Chardin P. La formation de la noosphère // Teilhard de Chardin P. L'avenir de l'homme. – Paris, 1959. P. 221.
- ¹¹ Arquilla J., Ronfeldt D. The Emergence of Noopolitik (1999). P. 24. – URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/MR1033/MR1033.chap2.pdf
- ¹² Wautelet M. Les cyberconflits. – Paris, 1998. P. 43.
- ¹³ См.: Jacques F. Dialogues. – Paris, 1979.
- ¹⁴ Jacques F. Différence et subjectivité. – Paris, 1982. P. 188.

Аннотация

В статье исследуются проблемы техники и этики коммуникации в современную эпоху. Рассматриваются понятия плюрализма и либерализма. Делается вывод об интересубъективном характере взаимодействия культур.

Ключевые слова: коммуникация, плюрализм, либерализм, толерантность, диалог культур.

Summary

The article investigates the problems of technics and ethics of communications in present period. The author considers the concepts of pluralism and liberalism and comes to the conclusion about intersubjective character of interaction of cultures.

Keywords: communication, pluralism, liberalism, tolerance, dialogue of cultures.

Перевод с французского О.И. Мачульской